

УДК 398.22

**Причины появления мотивов “обставить ножами” и “наточить нож”
в корякских сказках**

© Голованева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

E-mail: gta-77@mail.ru

© Игумнов Андрей Георгиевич, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: anigumnov@mail.ru

В статье на примере наиболее популярных корякских сюжетов рассматриваются причины, под влиянием которых меняется мотивный состав традиционного корякского фольклора. Первая причина — изменение хозяйственного уклада. Из фольклорного текста исчезают непонятные, не подкрепленные жизненным опытом рассказчика детали. Из текстов мифологических сказок исчезают отсылки к традиционной технологии, утраченной к настоящему времени. На их место приходят такие мотивы, которые кажутся рассказчику более логичными. Вторая причина изменения мотивного состава корякского традиционного национального фольклора — влияние русской сказочной повествовательной традиции. Наиболее устойчивые, эмоционально насыщенные мотивы русских сказок запечатлеваются в сознании корякских слушателей-читателей, а затем воплощаются в их национальных текстах.

Ключевые слова: коряки, фольклор коряков, сказки, мотив, мифологический эпос, этнографические истоки.

**Reasons for motives “to furnish with knives” and “to sharpen a knife”
in the Koryak tales**

Tatyana A. Golovaneva

PhD, research fellow, Department of Siberian folklore, Institute of Philology, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

8 Akademika Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russia

Andrey G. Igumnov

DSc, A/Professor, research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

On the material of the most popular Koryak tales subjects the article reviews reasons which lead for changes of motives in the traditional Koryak folklore. The first reason is the change of the economic structure. Details which are unclear and unknown for a narrator, references to traditional and now lost technologies vanish from the folklore texts. Those details are replaced by the motives which seem more logical for a narrator. The second reason is the impact of Russian fairy-tale narrative tradition. The most stable, emotionally rich motives of Russian fairy tales are imprinted in minds of the Koryak readers, and then are incarnated into their national texts.

Keywords: the Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, motives, mythological epos, ethnographic sources.

Влияние русского фольклора на корякскую повествовательную традицию неизбежно коснулось даже самых устойчивых, наиболее распространенных сюжетов. И влияние это выразилось не столько в изменении сюжетной линии, сколько в насыщении текста такими изобразительными деталями, которые не могли естественным образом возникнуть в корякской повествова-

тельной традиции. Мы коснемся только одного момента: в корякской хозяйственной жизни совершенно особую роль играли ножи. По этнографическим данным, обрабатывать железо на Камчатке могли в двух селах — Парень и Куэл. В. И. Иохельсон в самом начале XX в. отметил, что эти села «славятся производством железных орудий. Ножи, топоры и копыя паренских и ку-

эльских кузнецов расходятся не только среди коряков и чукчей, но проникают и на Камчатку, и к соседним тунгусам» [1, с. 131]. Однако коряки не могли плавить железо из руды, поэтому использовались любые обломки железных инструментов. Паренские ножи славились на всю Камчатку и являлись особенной ценностью. В связи с этим закономерно, что в корякском фольклоре среди традиционных исконных мотивов повествования выделяются мотивы “поиски ножа”, “получение ножа в дар”:

Идет дальше [Куткыннюку]. Нашел кита. <...> «Как же я без ножа? Каким бы ножом мне его (разделить)?» Тут же наверх посмотрел. Там по скале лазают какие-то, лица, обросшие кустами. «Наверное, у них нож есть. Пойду попрошу нож». Подошел [Куткыннюку] к китовому уху, залез туда. Залез, заглядывает. «Здесьние дедушки, ножик подкиньте». Кто-то как будто бы сказал: «Ножи подкиньте». В ухо залезает. Там кита выбросило на берег, может, ножи просят они. Опять начал: «Здесьние дедушки, ножик подкиньте» [АМ, текст (далее — т.) 104, с. 688].

Нож является настолько большой ценностью, что может быть использован как выкуп за невесту во время сватовства:

Всю ночь Сисисъын делал нож. Весь в бисере большой нож сделал. <...> «Я вам дам за сватовство нож». Начали хорошо жить. Начали постоянно хорошо ездить по родственникам жены [АМ, т. 81, с. 579].

В корякских сказках нож изображается как нечто очень ценное, необходимое, единственное в своем роде. Тем интереснее, что в современных записях корякских сказок появляются мотивы, противоречащие этой традиции.

Популярный на Камчатке сюжет сказки «Куткыннюку и мыши» повествует о комических издевательствах мышей над Куткыннюку (Большим Вороном). За то, что он отобрал у мышей найденную добычу, они проникают ночью в дом Большого Ворона, крадут приготовленную еду и безобразничают:

Ночью, пока Куткыннюку и его жена спали, Мыши-девочки украли остатки мяса и вместо мяса они покакали [Johelson, t. 130, с. 324; перевод с английского наш. — Т.Г., А.И.];

Люди-мыши забрали всё. Они только оставили бульон от мяса нерпы. Но побросали камни в котелок. Они положили острые камни в обувь Мити и Большого Ворона [Johelson, t. 88, с. 261–262; перевод с английского наш. — Т.Г., А.И.];

Остро мышата острых камней навтыкали. Положили кусок дерна, обкакали кастрюлю,

мясо к себе унесли [АМ, т. 43, с. 279].

Только в одном варианте, записанном А.А. Мальцевой от Марии Васильевны Камак в с. Вывенка в 2004 г., в эпизоде, изображающем, как мыши безобразничают в доме Куткыннюку и Мити, вдруг появляется совершенно не предсказуемый для корякской повествовательной традиции мотив “мыши утыкивают пол Куткыннюку ножами”:

Ночью уснули Куткыннюку и Мити. А их племянники мыши пришли. И все мясо (лахтака, морского зверя) украли. Землей, кашками наполнили кастрюлю. А пол утыкали острыми ножами. Всё из кастрюли унесли домой [АМ, т. 19, с. 136–137].

Казалось бы, эта изобразительная деталь, этот мотив “утыкать пол ножами” практически идентичен традиционному изображению мышиных безобразий, когда мыши насыпают в обувь и на пол острые камни. Не все ли равно — острые камни или ножи? Для корякской традиции абсолютно нет. В древней корякской культуре нож не был чем-то обиходным. За ножом закрепляются отдельные особенно значимые функции. Рассказчица М. В. Камак (на момент записи ей 46 лет) воспитана уже в совершенно иной системе ценностей, где от традиционного корякского хозяйства остались только отголоски. В тексте, рассказанном Марией Васильевной, мотив “утыкать пол ножами” появляется не на пустом месте, это не есть плод фантазий рассказчицы. На появление этого мотива в тексте традиционной корякской сказки повлияло, с одной стороны, изменение хозяйственного уклада: в современном мире нож — уже обиходный кухонный предмет, не представляющий собой особой ценности, его можно купить в любом магазине. С другой стороны, появление мотива “утыкать пол ножами” непосредственно связано с русской сказочной традицией, причем не обязательно в ее устном варианте. Изучение русских народных сказок в школе, чтение русских сказок детям, мультфильмы, снятые по мотивам русских народных сказок, — все это влияет на бытование исконной национальной корякской традиции. Мотив “утыкать пол ножами” встречается в русской народной сказке «Перышко Финиста Ясна Сокола»:

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы. Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился, бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. <...> Утром просыпается

[девица], смотрит – на окне ножи да иглы натканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: – Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» [2, с. 170].

В русской сказке «Перышко Финиста ясна сокола» мотив “утыкать окно ножами” функционален. Он необходим для дальнейшего разворачивания сюжетного действия: ножи ранят крылья сокола и он вынужден покинуть свою возлюбленную. В корякской сказке о мышах и Куткыннюку, записанной от М. В. Камак, мотив “утыкать пол ножами” абсолютно нефункционален, т. е. этот мотив не имеет дальнейшего развития:

Ночью уснули Куткыннюку и Мити. А их племянники-мыши пришли. И всё мясо (лахтака) украли. Землёй, какашками наполнили кастрюлю. А пол утыкали острыми ножами. Содержимое кастрюли всё унесли домой. Утром проснулись Куткыннюку и Мити. Мити сказала: «Куткыннюку, неси кастрюлю, поедим». Встал Куткыннюку. Туда пошел, к кастрюле: «Ой-ой-ой, ой-ой-ой». Мити спросила: «Что с тобой, на старости лет так радуешься еде?» Что же дальше, подождите, забыла. Еле-еле дошла до кастрюли Мити. Начали есть. Едят» [АМ, т. 19, с. 139–140].

Отчетливо видно, что, в отличие от русской, в корякской сказке мотив “утыкать пол ножами” не имеет дальнейшего развития. Появление этого мотива совершенно никак не отражается на дальнейшем повествовании, что лишний раз подтверждает его заимствованную природу.

Другой популярнейший на Камчатке сюжет — сказка «Старуха-злой-дух и мыши» — также испытал на себе влияние русской сказочной традиции. Образная система этой сказки подвижна: в качестве главного героя выступает либо Старуха-злой-дух, либо Старик-злой-дух, либо Куткыннюку.

Первый эпизод развития сюжета устойчив: мыши катаются с горы, Старуха-злой-дух (Куткыннюку), услышав их возню, подставляет внизу горки свои штаны, ловит туда мышей для того, чтобы съесть. Интрига создается благодаря тому, что Старуха-злой-дух не сразу съедает мышей, а сначала оставляет их завязанными в штанах на дереве. Для развития сюжетного действия необходимо, чтобы Старуха-злой-дух (или Куткыннюку), завязав мышей в штаны, оставила их на дереве. В следующем эпизоде мышей спасает лиса. В традиционных текстах мотивировка, почему старуха не сразу съедает мышей, очень устойчива: мыши должны немного полежать в штанах и прокиснуть, прокваситься:

Покатились (мыши). В штаны все упали. Снял штаны [Куткыннюку]. И завязал. Ввалил на себя. Пошел в тундру. Пришел в тундру. Там начал... ой. Нашел дерево очень прямое. Стал говорить: «Согнись, согнись». Дерево согнулось. Повесил это (мышей, завязанных в штанах). «Тут прокисайте. Через несколько дней приду. Я вас съем, как раз хорошо прокиснете». Да, так [АМ, т. 132, с. 942];

Потом сказал [Куткыннюку]: «Я вас поймал, мыши. Вы не слушались матери». Стемнело. «Я вас поймал, буду вас проквашивать. Прокиснете, буду вас есть. <...> Ну, теперь прокисайте. Через несколько дней приду, как раз прокиснете». Пошел домой [АМ, т. 146, с. 1024];

Что ж, мышей наверху повесила [Старуха-злой-дух]. «Ну, домой пойду. Кисните. Ещё покатайтесь (мне), надоеды! Прокисайте». Домой пошла эта Старуха-злой-дух [АМ, т. 148, с. 1036].

Появление и устойчивость эмпирически достоверной детали “оставить на время, чтобы проквасить” непосредственно связаны с традиционным ведением хозяйства. Квашение было очень популярно у береговых коряков и ительменов. Еще в 1928 г., по свидетельству С. Н. Стебницкого, квашение рыбы составляло неотъемлемую часть промысла приморских коряков: «Выловленную рыбу сваливают в глубокую яму, вырытую на берегу реки невдалеке от места ловли. <...> В яме рыба подгнивает и превращается в сплошную серую массу. Запах, исходящий от “кислых ям” так силен, что к такой яме невозможно подойти за несколько десятков метров. Как правило, кислая рыба служит кормом для собак, но “кислые головки” едят и люди, причем это считается даже лакомством. <...> А на следующий день, после того как все наедятся “кислых головок”, ни к кому подойти невозможно. В “кислом виде” едят не только рыбу, но также и “лахтачье мясо”» [3, с. 99]. Технология традиционной кухни естественным образом не просто отразилась в тексте сказки как изобразительная, эмпирически достоверная деталь, но повлияла на сам процесс формирования сюжета.

По мере русификации национального населения меняются традиционные национальные кулинарные технологии, которые с позиции «достижений цивилизации» кажутся антисанитарными. С. Н. Стебницкий в 1928 г. отмечал: «В последние годы местные организации ведут борьбу против заготовок рыбы в ямах» [3, с. 100].

Насколько нам известно, в настоящее время технология квашения рыбы практически утра-

чена. Во время нашей экспедиции 2003 г. в с. Тигиль коренная ительменка Валентина Ивановна Успенская рассказывала, что она помнит вкус кислых рыбьих головок с детства. Во взрослой жизни это традиционное лакомство она уже не пробовала: перестали квасить рыбу в ямах. Однако, как сообщила нам А. А. Мальцева в устной беседе, в 2004 г. во время экспедиции в с. Вывенка она видела, как береговая корячка Дарья Мулинаут и ее племянница ели заквашенные в кастрюле рыбы головы. Из-за ужасного запаха, который от них исходил, всем предложили отойти и встать с подветренной стороны. Доставая головы из кастрюли по одной, они, наклоняясь, промывали их в реке и сразу ели, с большим удовольствием похрустывая хрящами. Дарья Андреевна Мулинаут — 1918 г. рождения, т. е. на момент экспедиции 2004 г. ей было 86 лет. Будучи укорененной в национальной традиции, она сохранила традиционный рецепт, приспособив его к реалиям цивилизованного мира. Пример сохранения традиционной кулинарной технологии, увиденный А. А. Мальцевой, является исключением из общего правила утраты традиционных технологий под влиянием достижений цивилизации.

Изменение традиционных технологий влияет на процесс текстообразования. Рассказчики могут заменять непонятные им, реликтовые детали, на более, по их мнению, правдоподобные. В варианте сказки «Старуха-злой-дух и мыши», записанном А. А. Мальцевой от Сергея Григорьевича Йокки, Старуха-злой-дух ловит не мышей, а девочек. Изменения коснулись не только образной системы, но и самой детализации изображения:

Старуха-злой-дух сказала: «Дерево, дерево, наклонись, чтобы я накормила тебя жировой толкушей». Наклонилось дерево. [Старуха-злой-дух] повесила камлейку. Маленькие девочки там находятся. [Сказала:] «Дерево, дерево, выпрямись, чтобы я покормила тебя жировой толкушей». Береза выпрямилась. «Пойду пока домой. Схожу за ножом, еще и поточу его. Здесь пока подождите» [АМ, т. 18, с. 134].

Показательно, что рассказчик Сергей Григорьевич Йокка достаточно молод. Родившись в 1952 г., он уже не видел «кислых ям», поэтому исконная отсылка текста сказки к традиционному укладу непонятна рассказчику, так как он этого уклада уже не видел. Непонятная деталь «оставить, чтобы проквасить» заменяется более логичной, более понятной и в то же время — более русской.

Мотив “наточить нож” в русской сказочной

традиции востребован и функционален:

«Белая уточка»: Заморышек отвечает: — Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие; ножи точат булатные [2, с. 191];

«Сестрица Аленушка, братец Иванушка»: Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю, и просится: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал: «Аленушка, сестрица моя! Выплывь, выплывь на бережок. Огни горят горючие, Котлы кипят кипучие, Ножи точат булатные, Хотят меня зарезати!» [2, с. 189];

«Крошечка-хаврошечка»: Старик так, саяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая» «Режь, да и только!» Наточил ножик... Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать» [2, с. 59].

В русских народных сказках мотив “наточить нож” не только функционален, но он еще и очень эмоционально насыщен, что создает у слушателей эмоциональное напряжение в ожидании расправы над героем сказки. Мотив “точить нож” встречается в очень известных русских народных сказках: «Крошечка-хаврошечка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Тексты этих сказок дети слушают в детском саду и в школе, родители читают детям книжки с русскими народными сказками. И вследствие всего этого сильный, эмоционально-насыщенный мотив “наточить нож”, запечатлеваясь в сознании потенциального рассказчика корякской национальности, начинает проявляться в корякской повествовательной традиции.

В традиционных корякских сказках мотив “наточить нож” не встречается. Если нож затупился, то его не точат, а ищут новый. Острый нож обеспечивает удачу. Тупой нож изображается как помеха, как препятствие, как нечто мешающее, затрудняющее исполнение миссии героя:

Вскочила Зеркальная-изморозь. Нож использует как воронье крыло, настолько красивый большой нож на бедре, вытащила его. Тем ножом сильно ударила [женуха-Амамкутыкылгына], побежала по лестнице. Вышла. Убежала. Нож вот так впился. Затупила. Оказывается, из стали. Кожу бы порезала — убила бы [Амамкутыкылгына]. <...> У Зеркальной-Изморози товарищ — Гремящий-через-перевал-поток. Пришла к нему. Он ей делает

ножи. [Зеркальная-Изморозь говорит:] «Знаешь, друг, у меня затупился нож, испортился, (когда) срезала иван-чай». [Гремящий-через-перевал-поток удивляется:] «Ты что, о лобную кость дикого оленя нож испортила? Он ведь из стали! Как тебе удалось? Об чью-то челюсть, о челюсть дикого оленя-быка? Такой крепкий нож затупился!» Другой дал. И все время так [АМ, т. 66, с. 426–427].

Если нож затупился, то он стал негодным. Гремящий-через-перевал-поток дает Зеркальной-изморози новый нож, но не точит старый.

В корякских народных сказках, записанных от пожилых информантов, в частности от М. И. Притчиной (1918 г. р.) [АМ, т. 66] и Д. А. Мулинаут (1918 г. р.) [АМ, т. 20] острый нож — средство достижения цели, однако мотив “точить нож” не встречается в этих текстах:

Потом Ымми сказала: «В самом конце, заметь, твой отец будет. Загарпунь его. Только острый нож носи с собой. Загарпунишь, скорее разрежь его. Твой отец там» [АМ, т. 20, с. 160].

Исконно в корякских сказках “острый нож” — особая ценность, это то преимущество, которым обладает истинный герой. В русских сказках за ножом закреплены совершенно иные функции: нож является орудием расправы, в связи с чем упоминание ножа усиливает эмоциональную насыщенность текста. Слушатель, даже будучи этнически причастен совершенно иной культуре, тем не менее, воспринимает эту эмоционально выделенную деталь текста и мо-

жет воплотить ее в традиционном тексте корякской сказки.

На примере двух рассмотренных в статье мотивов хорошо видно, как и почему происходит изменение мотивного состава традиционного национального фольклора. Наиболее четко выделяются две причины. Первая — изменение традиционного хозяйственного уклада. Из текста исчезают непонятные, неподкрепленные жизненным опытом рассказчика детали. Отсылки к национальным традиционным технологиям, не соответствующие современной рассказчику хозяйственной практике и, вследствие этого, непонятные ему, утрачивают свою эмпирическую достоверность. На их место приходят такие мотивы (устойчивые детали изображения), которые кажутся рассказчику более логичными. Но возникают новые мотивы не на пустом месте. Вторая причина изменения мотивного состава традиционного национального фольклора — влияние иной, более устойчивой повествовательной традиции. Русская народная сказка как повествовательный культурный феномен в современной жизни активно существует не столько в устном, сколько в печатном своем варианте. Однако это не мешает русской сказочной повествовательной традиции откладываться в сознании читателей и слушателей самых разных национальностей. Наиболее устойчивые, эмоционально насыщенные мотивы запечатлеваются в сознании слушателей-читателей, а затем воплощаются в национальных текстах.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

АМ — **Архив А.А. Мальцевой**. Архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2006 гг. Все тексты расшифрованы с аудиозаписи и переведены на русский язык ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Аллой Александровной Мальцевой при участии коряков-алюторцев, владеющих родным языком.

АМ, т. 18 — рассказал Сергей Григорьевич **Йокка**, 1952 г. р., уроженец с. Вывенка. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована и переведена на русский язык А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 19 — рассказала Мария Васильевна **Камак**, 1958 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 43 — рассказала Анна Егоровна **Мулитка**, 1926 г. р., уроженка с. Вывенка. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован и переведен с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии А. Е. Мулитки в с. Вывенка в 2004 г.

АМ, т. 81 — рассказал Василий Николаевич **Чечулин**, ок. 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Текст записан в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 104 — рассказала Татьяна Васильевна **Котавынина**, 1933 г. р., уроженка с. Рекинники. Текст записан А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

АМ, т. 132 — рассказала Варвара Кондратьевна **Белоусова**, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

АМ, т. 146 — рассказала Екатерина Кондратьевна **Яганова**, 1943 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспе-

диции ИФЛ СО РАН в с. Лесная в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с аляutorского языка А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в с. Лесная в 2006 г.

АМ, т. 148 — рассказала Мария Кондратьевна **Яганова**, 1943 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с аляutorского языка А.А. Мальцевой в г. Новосибирске в 2006 г.

Johelson, t. 88 — рассказала Па'џа, жительница с. Каменское. Записал В. И. Иохельсон в с. Каменское в 1900 г. Опубликовано только перевод текста на английском языке.

Johelson, t. 130 — сведений о рассказчике нет. Записал В. И. Иохельсон на р. Алука в 1901 г. Опубликовано перевод текста на английском языке.

Литература

1. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. — СПб.: Наука, 1997. — 238 с.
2. Народные русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева. — М.: Художественная литература, 1990. — 270 с.
3. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. — СПб.: Наука, 2000. — 234 с.

References

1. Johelson W. *Koryaki. Materialnaya kul'tura i sotsial'naja organizatsiya* [The Koryaks material culture and social organization]. St Petersburg: Nauka, 1997. 238 p.
2. *Narodnye russkie skazki: Iz sbornika A. N. Afanasyeva* [Russian folk tales: From the collection of A. N. Afanasyev]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. 270 p.
3. Stebnicky S. N. *Ocherki etnografii koryakov* [Essays on the Koryak ethnography]. St. Petersburg: Nauka, 2000. 234 p.